

На Парнасе — вновь модернизация.
Карнавал правит ушлая шваль.
Но вникать в сто оттенков эрзаца я
не учён. Да времени жаль.

Прогрессивнейшую электронику
противопоставляют мозгам.
На лету режут крылышки конику
и ещё кое-что мужикам.

Торгаши и эксперты — капитулом
регулируют цену и спрос.
Глупо в бисер играть пред копытными —
не попрут, так зароят в навоз.

Где за творчество лягу костями я,
там они рвут верзуху за сбыт.
От наплыва туристов Касталия
опустела. Источник забит.

Одинокая бродит Гармония,
что-то шепчет под нос, ошалев,
и Десятая Муза — Ирония —
подсыпает ей соли на шлейф.

Скажи поэт, кто совесть нации...

Андрей Родионов

Поэт в России больше...

Евгений Евтушенко

На слэмах жгут, рожают дисеры,
но, коль поэт в России больше
поэзии — игратья бисером
я больше не желаю, Боже.

Теперь у нас эпоха ряженных —
вновь в моду входят партбилеты.
Поэты прежде были граждане,
а нынче граждане — поэты.

Открыл газету — в рифму столбиком
мастеровито, своенравно,
в ряд с информационным топиком —
глаголы жгут сердца исправно.

Поэт, конечно, совесть нации,
а не гламурный шут для знати —
но слишком любит ассигнации
и не лишён субординации...
Как и обычный смертный, кстати.

Души слезящийся огарок,
любви весёлый костерок —
таинственный, как кровоток,
и незаслуженный подарок.

Свет, согревающий с высот,
иль Ад, кипящий под ногами —
людей объединяет пламя
тем, что однажды всех сожжёт.

Недаром древние считали,
что мир устроен из огня.
Он исстари влечёт меня
немыслимостью очертаний.

Но — с чем горенье ни сравни —
оно бежит узилищ слова.
Его прозрачная основа
высокой музыке сродни.

Начнём магические игры.
Ткань с амальгамы совлеки.
Ведь все людские светляки —
лишь дети той, начальной Искры.

Неутешительно слича
с оригиналом отраженье,
мы смотрим в странном отрешеньи,
как пляшет в зеркале свеча.

Подвыпившая горилла
гоняет на новеньком джипе.
На мусорке бабка нарыла
почти ненадёванный джемпер.

И вечные книги — что раньше
мы втридорога добывали —
как символ эпохи вчерашней,
продрогли на книжном развале.

Увы, в этой жизни невечной,
живущей за счёт новизны,
простые надёжные вещи
давно никому не нужны.

Свободе прикольно быть голой,
лишённой сомнений и уз...
Почто же ей поперёк горла
нехитрые совесть и вкус?

Отягощённый анамнез

Война с чинушами да хамами
опять становится подёнкой.
Но нужно сохранять дыхание —
зима и вправду будет долгой.

И поджидают обрусевшие
поклонники Захер-Мазоха
когда рванёт планктон рассерженный
и молчаливая массовка,

смирившись с местной коза-нострою,
обосновавшейся на вые,
назад — в лихие девяностые,
в бессовестные нулевые.

Любая безупречная скворечня
заведомо постылее гнезда.

Рай всё одно не может длиться вечно.
Вот Ад земной, пожалуй, навсегда —
глянь, как на грабли наступают внуки.

В который раз по прихоти подруги
мы яблоко познания грызём,
чтоб после обратиться в чернозём.

Милая приобрела машинку,
автопром корейский поддержала.
Ей теперь не надобно мушцинку —
автобот практичнее, пожалуй.

Как десептикон десептикону
проболталась в давешнюю встречу:
«Я тебя и пальчиком не трону,
лишь немножечко расчеловечу».

Ох уж эти гендерные роли!
Ведь она и впрямь не виновата,
видя в противоположном поле
смесь вибратора и банкомата.

Мачо, или прекрасного принца
можно вымечтать, ежли темно.
Жаль тебя: ты так любишь любиться,
а любить — не дано.

Сотворив из свободы неволю,
гонишь сентиментальность вашей.
Нарожать — это подвиг, не спорю.
Но чему ты научишь детей?

Надежда

На краешке взгляда далёкий
надежды дрожит костерок.
Опять дураки и дороги.
Куда ж без дорог.

Обжившись в наследственном сраме,
мы верим заушной лапше,
что с умниками и путями
комфортней душе.

Молодость завсегда права
и свободна от чувства вины.
Для неё чужие слова
преисполнены новизны.

А для скушного старика
всё сливается в День Сурка:
те же мысли, те же слова.
Вечность, в сущности, такова.

Мускулистым и загорелым
слаще жить в комфортной клоаке.

Выбор между словом и телом
предстоит бумагомараке.

Тело совершеннее слова.
Слово долговечнее тела.

Да душа ещё не готова —
дырку в небе не провертела.